ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Помещичья колонизация Башкирии

Р. Б. Шайхисламов, Б. А. Азнабаев

Для цитирования: *Шайхисламов Р. Б., Азнабаев Б. А.* Помещичья колонизация Башкирии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 987–1000. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.401

Практика закрытого города, осуществлявшаяся в Уфимской провинции до 1735 г., а также неблагоприятная политическая обстановка (калмыцкое вторжение, 1621–1645 гг.), башкирские восстания (1662–1711 гг.) привели к глубокому кризису помещичьего хозяйства Уфимской провинции. Статистико-экономические материалы середины XVII — начала XVIII в. свидетельствуют, что уфимским дворянам предстояло разделить судьбу социально неполноценного сибирского дворянства, практически лишенного крепостных крестьян. Тем не менее начало самого крупномасштабного башкирского восстания 1735–1736 гг. заставило администрацию пересмотреть свое отношение к прежнему запрету продажи башкирских вотчинных земель. В истории помещичьей колонизации Башкирии принципиальное значение имел указ от 11 февраля 1736 г., разрешивший местным офицерам и чиновникам покупать земли у башкирских общин. Это мероприятие было осуществлено одновременно с установлением военного контроля российских властей над юго-восточной границей, отделяющей башкирские вотчинные земли от казахских кочевий. С этого момента прекращаются дипломатические контакты башкирской элиты с правителями Средней Азии, Казахстана и Турции, что означало полную утрату башкирами политической субъектности. Вместе с тем башкирские общины становятся активным участником экономических отношений с русскими помещиками, заводовладельцами и казенным ведомством. Российские вла-

Рашит Бадретдинович Шайхисламов — д-р ист. наук, проф., Башкирский государственный университет, Российская Федерация, 450074, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32; shrb2007@mail.ru

Rashit B. Shaikhislamov — Doctor in History, Professor, Bashkir State University, 32, Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450074, Russian Federation; shrb2007@mail.ru

Булат Ахмерович Азнабаев — д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии, Башкирский государственный университет, Российская Федерация, 450076, Республика Башкортостан, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32; azbulattt@rambler.ru

Bulat A. Aznabaev — Doctor in History, Head of the Department of History of the Republic of Bashkortostan, archeology and ethnology, Bashkir State University, 32, Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450074, Russian Federation; azbulattt@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

сти сохранили за башкирами вотчинные права и отказались от широкомасштабных акций по изъятию башкирских земель, передав миссию колонизации частным лицам, которым предстояло самостоятельно договариваться с местными общинами. Разрешение продажи вотчинных земель вынуждало собственников значительно активнее включаться в систему российских правовых отношений, вступать в контакты с российскими властями и покупателями, что способствовало более эффективной интеграции башкирского общества в административную структуру Российского государства. Согласно материалам Генерального межевания к началу XIX в. 76 % общей площади дворянского землевладения губернии было приобретено помещиками у башкир. По темпам прироста помещичьи крестьяне и дворовые с V по VI ревизии значительно опережали прирост всех категорий крестьянства края, с VI по VII ревизий уступали лишь заводским крестьянам.

Ключевые слова: Башкирия, помещичье землевладение, крепостные крестьяне, пожалования, башкирские восстания.

Landowners' Colonization of Bashkiria

R. B. Shaikhislamov, B. A. Aznabaev

For citation: Shaikhislamov R. B., Aznabaev B. A. Landowners' Colonization of Bashkiria. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 4, pp. 987–1000. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.401 (In Russian)

The "closed city" practice, exercised in Ufa province before 1735, together with the unfavourable political situation led to the bad crisis of estate landownership of the Ufa district. The population polls of the mid-XVII — beginning of XVIII cc. justify the fact that Ufa noblemen had to succumb to the fate of socially deprived Siberian nobility, practically devoid of serf peasants. The beginning of the largest-scale Bashkir insurrection of 1735–1736 made the administration review its attitude to the former ban on Bashkir estate lands sale. In the history of Bashkir landowners' colonization the edict dated February 11th, 1736, allowing the local officers and officials to buy lands from Bashkir communities, was of principal importance. This procedure was exercised simultaneously with the establishment of the Russian government military control over the south-eastern border, separating Bashkir estate lands from Kazakh migratory tribes. From this moment on there is a stop in diplomatic contacts of the Bashkir elite with the governors of the Middle Asia, Kazakhstan and Turkey that meant the complete loss of political subjection by the Bashkirs. Bashkir communities become active participants of economic relations with Russian landowners, plant owners and the state institutions. Russian government preserved estate dynastic rights with the Bashkirs and refused from large-scale operations on the expropriation of Bashkir lands, transferring the mission of colonization to private persons, who had to arrange the issue with the local communities by themselves. The permission to sell estate lands forced landowners to active participation in the system of Russian legal relations, to contact the Russian government and customers.

Keywords: Bashkiria, landowners, estates, landownership, peasants, serfs, donations, Bashkir insurrections.

История крепостного крестьянства на Южном Урале в XVII–XIX в. отражает все фундаментальные изменения в направлениях и темпах российской колонизации Башкирии. Территория Башкирии в XVII в. соответствовала административным границам Уфимского уезда, с 1712 г. — Уфимской провинции (образование

Уфимской провинции произошло в 1712 г.). С 1744 г. Башкирия составила значительную часть Оренбургской губернии. В 1801 г. общая площадь Оренбургской губернии составляла 321 542 кв. км, что соответствовало территории Франции середины XIX в.[1] В начале XIX в. почти половина (45 %) всех земель губернии находилась в вотчинном владении башкирского населения[2].

Башкирия в XVIII–XIX вв. являлась самой восточной областью развития российского дворянского землевладения. В соседних сибирских уездах российские власти еще XVII в. подавили ростки помещичьего хозяйства, сделав ставку на развитие государственной и дворцовой деревни. Т. Ф. Быконя объясняет это положение тем, что центральной власти не хотелось превращать материально и функционально зависимых исполнителей своей воли в частных лиц, которые на законных основаниях стали бы конкурировать с государственным сектором в получении рабочих рук[3].

В отличие от Сибири в Башкирии в середине XVIII в. российское правительство перешло от политики ограничения дворянской колонизации к поощрительным мерам, способствовавшим переселению русских помещиков в Башкирию. Чем было обусловлено столь резкое изменение политики российских властей? Эта проблема активно обсуждалась в дореволюционной российской и зарубежной историографии. Дореволюционные историки Н. Н. Фирсов, Г. И. Перетяткович и С. В Ешевский стремились охарактеризовать расширение юго-восточных владений России с позиций интересов вольной крестьянской колонизации. В качестве естественного процесса колонизационного продвижения русского народа рассматривал присоединение Башкирии к России Г. В. Перетяткович. В своей докторской диссертации, посвященной колонизации Поволжья, он доказывал, что военное присоединение к России Казанского ханства и Башкирии позитивно отразилось на хозяйственном и экономическом положении нерусских народов[4]. В отличие от Г. М. Перетятковича С. В. Ешевский утверждал, что с начала своего исторического пути русский народ мирным путем проникал на землю местных племен. Правительство лишь закрепляло те территориальные рубежи, которые были достигнуты народной колонизацией[5].

Н. Н. Фирсов противоречивость политики российского правительства в отношении башкирского землевладения связывал с традиционным расколом элит в отношении нерусских народов: «Но известная вещь, что у нас в центральном правительстве относительно украин, пользовавшихся особыми правами, всегда существовали две партии, из которых одна всегда стояла за решительное меры, к смене этих украин на великорусские области, по средствам подведения их под одинаковые законы, управление и суд, а другая надеялась возбудить в этих вошедших в состав русского государства украинцах чувство приязни и расположения и русской

[1] *Асфандияров А. З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в). Уфа, 2006. С. 82.

[2] *Акманов А. И.* Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа, 2000. С. 122.

[3] *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. Красноярск, 1985. С. 167.

[4] *Перетяткович Г. И.* Поволжье в XVII — начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края. Одесса,1882. С. 75.

[5] *Ешевский С. В.* Колонизация северо-восточных окраин России // Вестник Европы. 1866. Т. I. С. 48.

власти и русскому народу посредством охранения особенных их прав и льгот, по отношению к башкирцам между сильными русскими людьми также было заметно такое расхождение»[6].

В своей работе «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в.» М. К. Любавский доказывает, что российское государство выполняло на юго-восточной окраине роль главного регулятора колонизационных потоков»[7]. Он заметил, что для Российской империи военная экспансия в качестве инструмента присоединения новых территорий была не характерна. Инициаторами переселения в Башкирию выступали разные социальные группы: от монастырей до различных типов землевладельцев и их поверенных. После того как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжало начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью.

Зарубежные исследователи А. Доннолли, Р. Порталь и А. Каппелер связывают начало широкой помещичьей колонизации Башкирии с подавлением башкирского восстания 1735–1740 гг. и массовым строительством крепостей на юго-восточной границе края. Кроме того, историки утверждают, что землевладение помещиков формируется в XVIII в. за счет перевода в государственные конфискованных башкирских земель[8].

Из современных российских исследователей, занимающихся данной проблематикой, следует отметить А. В. Адер и М. В. Рогозина[9], хотя они и уходят от ответа на вопрос, в чьей собственности находились вотчинные угодья башкир. В соответствующем месте статьи эти исследователи подробно характеризуют мнение оренбургского губернатора А. В. Путятина, категорически утверждавшего, что земли башкир всегда принадлежали казне. Авторы допускают несколько серьезных фактических ошибок. Так, они утверждают, что в XVIII в. Осинский уезд входил в Уфимскую провинцию, башкиры несли воинскую повинность наравне с русскими, а Младший жуз располагался на территории Оренбургской губернии. В данной статье дается ответ на два вопроса: какие процессы оказывали влияние на темпы и характер дворянской колонизации края и как менялась численность крепостного крестьянства Башкирии.

На протяжении XVII — начала XVIII в. Уфимский уезд имел ничтожное количество русского земледельческого населения. Согласно Переписной книге по городу Уфе и Уфимскому уезду 1646 г.[10] все пришлое население, включая служилых людей, посадских, помещичьих и дворцовых крестьян, составляло всего 619 дворов.

---

[6] *Фирсов Н. Н.* Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // Ученые записки Казанского университета. Т. VI. Казань, 1871. С. 378.

[7] *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. М., 1996. С. 156.

[8] *Доннелли А.* Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Страницы истории империализма. Уфа, 1995; *Порталь Р.* Башкирия в XVII–XVIII вв. Уфа, 2000; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 2000.

[9] *Адер А. В., Рогозин И. В.* Особенности национальной политики Екатерины II при освоении земель Оренбургского края // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. 2017. № 3. С. 15–22.

[10] Переписная книга по городу Уфе и Уфимскому уезду 1646 г. // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. I. Кн. 6468. Л. 136–282.

В это число входили и 349 крестьянских дворов дворцового Чалнинского починка, расположенного, строго говоря, на границе Уфимского и Казанского уездов. Таким образом, колонизационный поток русского крестьянства обходил Уфимский уезд. Переселенцы предпочитали устраиваться за Уралом — в Сибири, даже несмотря на то, что природно-климатические условия и качество почв там были менее благоприятными.

Главным препятствием на пути широкой крестьянской колонизации Уфимского уезда было вотчинное право башкирского населения. В процессе принятия российского подданства посольства башкир добились от российских властей признания за башкирскими родами прав практически на всю территорию уезда. Границы башкирских волостей сомкнулись, не оставив пространства даже для казенных нужд. В донесении главы Оренбургской экспедиции В. Н. Татищева в Сенат от 13 января 1738 г. по этому поводу говорилось следующее: «Вышеписанные башкирцы до российского подданства разделились по родам, что сначала российского владения была названо волостями, так же и земли и угодья были между родами разделены, и тако никакой земли и угодий нет, кои были бы не разделены и кои бы свободно лежали»[11]. При этом местным помещикам запрещалось приобретать у башкир вотчинные земли. В наказе уфимскому воеводе Ф. И. Сомову от 1664 г. все подобные сделки объявлялись недействительными: «те крепости не в крепости, а деньги пропадут»[12].

Уфимская провинция, в силу особого земельного законодательства, практически до 1730-х годов оставалась закрытой для помещиков из других областей. В XVII в. все землевладение уфимских помещиков располагалось в 30-верстном радиусе Уфы. Дворянское хозяйство развивалось в условиях экономической изоляции, которая была следствием как законодательных мероприятий правительства, так и объективно неблагоприятных политических факторов. После нашествия калмыков 1633–1645 гг. и башкирского восстания 1662–1664 гг. крепостное население Уфимского уезда сильно сократилось вследствие гибели, бегства и увода в плен. Однако собственные ресурсы служилых людей по восполнению этих потерь путем привлечения в поместное хозяйство представителей трудового населения края были крайне ограниченны.

Рассмотрим различные социальные группы населения Башкирии XVII — начала XVIII в., которые могли быть вовлечены в сферу поместного хозяйства. Менее всего для этой цели подходило коренное население Уфимского уезда. Под угрозой смертной казни были запрещены любые кабальные формы использования труда башкир в хозяйстве русских людей: «…В какие в закладные записи или в кабалы или в сказки какие и крепости писать к себе».[13] Впрочем, в конце XVII — начале XVIII в. небольшое число крепостных из некрещеных башкир все же состояло за некоторыми уфимскими служилыми людьми. В частности, П. И. Рычков подсчитал, что за всеми уфимскими дворянами в 1699 г. было закреплено 36 крепостных башкир[14]. Большинство из них попало в крепостную зависимость в результате подав-

[11] Доношение действительно статского советника Татищева в Правительствующий Сенат // РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 55.

[12] Наказ уфимскому воеводе Ф. И. Сомову // РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 112.

[13] Там же. Л. 134.

[14] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 188.

ления башкирских восстаний. Как правило, новые владельцы крестили пленных башкир и продавали их в центральные уезды страны. В материалах крепостных книг Уфимской провинциальной канцелярии 1700–1732 гг. содержится 22 подобные купчие записи.[15] Наиболее перспективным источником увеличения крепостного населения Уфимского уезда были новокрещены. Однако провозглашение в начале 1680-х годов широкомасштабной христианизации населения Башкирии стало одной из главной причин башкирского восстания 1682–1684 гг. Правительству пришлось отказаться от проведения миссионерской деятельности в Башкирии. В первой трети XVIII в. в хозяйстве уфимских помещиков работали всего 24 новокрещена, что составляло 15 % всех наемных работников.

В отличие от Сибири в Уфимской провинции местным дворянам разрешалось заключать любые виды кабальных сделок с теми крестьянами, которые селились в Уфимском уезде. Тем не менее в борьбе за рабочие руки поместное хозяйство неизбежно проигрывало дворцовому ведомству. Во-первых, в отличие от центральных районов страны, в Башкирии существовала практика раздачи казенных земель в оброчное пользование. По утверждению У. Х. Рахматуллина, оброчная форма землевладения являлась наиболее притягательной формой крестьянского землепользования в Башкирии XVII–XVIII вв.[16] Во-вторых, дворцовое ведомство разрешало пришлым крестьянам платить бобыльский ясак, что снимало препятствия по аренде башкирских вотчинных земель. В-третьих, на Урале широко применялась практика освобождения переселенцев от некоторых повинностей, им оказывалась помощь хлебом и денежной ссудой в виде сельхозинвентаря, семян и скота. Именно по этой причине уфимские дворяне были вынуждены для привлечения крестьян в свои хозяйства устанавливать минимальные повинности. К примеру, в 1653 г. уфимец Иван Волков предъявил при разделе имения жилую запись, в которой указывалось, что крестьянин «Данила Емельянов сын Шишкин дал на себя запись уфимцу сыну Боярскому Ивану Волкову в том что в нынешнем в 7155 году что жити мне Данилу у Ивана во крестьянстве… а делать мне Даниилу не него Ивана чего сеяти ржи по четверику и по осьмине овса да драть по 5 лубов да косить сена по 5 копен»[17].

Все уфимские дворяне получали в поместье незаселенные «порозжие» земли. В 1682 г. власти заявили о передаче уфимским дворянам крестьян из дворцовых сел уезда — по 1–2 двора на дворянина — вместо выплаты денежного жалования, однако этот план не был реализован из-за начавшегося башкирского восстания и сопротивления дворцовых крестьян[18].

Почему Приказ Казанского дворца отдавал предпочтение дворцовой колонизации Башкирии? Власти учитывали, что башкирское население крайне негативно относилось к основанию в крае крепостей с военным населением. Строительство Мензелинска и Соловарного городка сопровождалось вооруженными

[15] Книги жилые, крестьянские и на половничество в долг // РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12270. Л. 4–7; Д. 12285. Л. 12–28.

[16] *Рахматуллин У. Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 96.

[17] Просьба уфимца Семена Карпова дать суд на Дмитрия Волкова в крестьянах // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.

[18] Дело о сверстании боярских детей Уфы // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 800. Л. 2.

выступлениями башкир[19]. Однако появление дворцовых сел в Уфимском уезде практически не вызвало недовольства местного населения. Крупнейшие дворцовые волости (Каракулино, Пьяный Бор, Иванцово, Калинники) возникли в Башкирии не под прикрытием военных центров, а, напротив, на значительном удалении от крепостей.

Откуда переселялись крепостные крестьяне в Уфимский уезд? Как правило, помещики переводили своих людей из тех уездов, в которых у них были поместья до прибытия в Уфу. По нашим данным, из 62 дворянских фамилий, представители которых находились в конце XVII в. на постоянной службе в Уфе, 32 рода обосновались в Уфимском уезде в результате перевода из Казани[20]. В исследовании численности крепостного населения Уфимского уезда были использованы материалы переписной книги 1646 г.[21] и Ландратской переписи 1718 г.[22] В 1646 г. за 48 уфимскими помещиками числилось 566 душ мужского пола (далее — м. п.), т. е. в среднем по 11,7 душ м. п. В 1718 г. 79 помещиков владели всего 303 душами м. п., т. е. на одного помещика приходилось 3,8 души. Таким образом, за 70 лет в среднем душевладение уфимских помещиков сократилось почти в 3 раза. И если в 1646 г. из 95 помещичьих деревень лишь в 12 деревнях отсутствовали крестьяне, то в 1718 г. из 112 деревень, принадлежавших уфимцам, только 77 были населены крестьянами. Как видим, в 1718 г. более трети всех помещичьих селений оказались пустыми, тогда как в 1646 г. этот показатель составлял 12 %.

Каковы же были причины столь резкого сокращения крепостного населения Уфимского уезда? Сравнение данных двух переписей 1646 и 1718 гг. показывает, что наиболее значительно сократилось душевладение помещиков, у которых было более 50 душ м. п. Если в 1646 г. 6 помещиков, представлявших 6 дворянских фамилий Уфы, владели в общей сложности 306 душами м. п., что составляло 54 % всего крепостного населения Уфимского уезда, то в 1718 г. таковых помещиков не было совсем. Из 74 помещиков 24 имели лишь по 1 крестьянину. Самой обширной (79 %) была группа помещиков, которые владели от 1 до 5 душ м. п.

В наибольшей степени пострадали большие процветающие имения. Приведем типичный пример упадка сравнительно крупного поместного хозяйства Уфимского уезда. В 1646 г. представители рода Каловских (сыновья и внуки двух братьев Осанчука и Ивана Третьяковых) владели 194 душами м. п., что составляло 34 % всего крепостного населения Уфимского уезда. Среди Каловских были как незначительные помещики (М. И. Каловский, 7 душ м. п.), так и весьма крупные (Е. И. Каловский, 58 душ м. п.), но не было ни одного пустопоместного дворянина. К 1718 г. из 19 Каловских лишь 5 владели населенными деревнями, в которых проживало всего 27 душ м. п. Таким образом, общее количество крепостных в этом роду уменьшилось за 71 год в 7 раз. В 1718 г. уже не было различий в количестве крепостных, имевшихся у отдельных помещиков этой фамилии: за каждым из Каловским числилось от 5 до 8 душ м. п. Материалы Уфимской приказной избы содержат и сведения

---

[19] *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. Уфа, 1993. С. 39, 44.

[20] *Азнабаев Б. А.* Уфимское дворянство в конце XVI — первой трети XVIII в. Землевладение, состав, служба. Уфа, 1999. С. 44–45.

[21] Переписная книга по городу Уфе и Уфимскому уезду 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 6468. Л. 136–282.

[22] Книга переписная 1718 по Уфимской провинции // РГАДА. Ф. 350. Д. 440. Л. 1–230.

о причинах столь значительного сокращения. Самый богатый из Каловских — Еремей Иванович (66 душ м. п. по переписи 1646 г.) был убит в 1649 г. в бою с калмыками, но сыновей после себя не оставил. Поместье было разделено на жеребья между 4 дочерьми, которые в разное время вышли замуж. Однако их приданое оказалось очень незначительным. По отказным и раздельным грамотам 1654–1644 гг. видно, что от 58 душ м. п. осталось лишь 8. Из отсутствующих 99 крепостных душ м. п. 19 были «убиты от калмаков и изменников башкирцов», 22 мужика «разбежалось в башкирское разоренье», 11 человек находились в плену у тех же башкир[23].

Бегство крепостных крестьян из Уфимского уезда было вызвано не следствием усиления эксплуатации, а постоянной угрозой для жизни и свободы со стороны башкир и калмыков. Выписи из отказных грамот и писцовых книг, за которыми обращались в приказную избу уфимские помещики для сыска крестьян, показывают, что основная масса бежавших из-под Уфы крестьян направлялась не на Яик, Волгу или в Сибирь, а в ближайшие пригороды Уфимского и Казанского уездов, которые были защищены от кочевников. Это Оса, Сарапул, Елабуга, Челны, Каракулино.

Недолговечность больших поместных деревень проявилась и в истории хозяйства Нармацких. Период наибольшего расцвета их поместий пришелся на вторую половину XVII в. В 1677 г. за 8 помещиками Нармацкими было 164 души м. п.[24] В 1699 г. И. К. Нармацкий добился перехода к нему выморочного поместья своих отдаленных родственников Крыловых. Принадлежавшее им с. Покровское являлось самым крупным поместным селением Уфимского уезда, в нем проживало 113 душ м. п.[25] После башкирского восстания 1704–1711 гг. все крестьяне села разбежались. В 1716 г., не затратив средств на восстановление хозяйства и поиск беглых крестьян, И. К. Нармацкий передает с. Покровское в качестве приданого своей сестре. В результате этот обширный прожиточный жребий в 1717 г. продается Строгановым[26]. Общее же душевладение фамилии Нармацких сократилось с 1684 по 1718 г. в 3,5 раза. В 1718 г. за 4 помещиками Нармацкими числилось всего 14 душ м. п.

Из числа 12 самых крупных помещиков, владевших по переписи 1646 г. почти 64 % всех крепостных крестьян Уфимского уезда, к началу XVIII в. наиболее резко сократилось душевладение Аничковых (в 3,4 раза), Черниковых-Онучиных (в 2,8 раза) и Приклонских (в 2,4 раза). В 1676 г. Семен Юрьевич Аничков, представляя интересы дворян Уфы, писал: «…А они от изменников башкирцев и калмыков разорились в конец. А крестьяне их дети и жены их в полон побраны, а иные от разорения разбрелись, а они с тех пустить дворов платят всякие подати и стрелецкий хлеб»[27]. У родного брата Семена Аничкова Тимофея в 1684 г. в Казани была украдена выпись с указанием крестьян, находящихся в бегах. Из 21 человек (11 мужчин и 10 женщин) на его поместной земле остались только два человека. Из остальных 19 человек трое умерли, 9 человек были захвачены в плен, 7 — погибли во время

[23] Отказная книга на землю уфимца Алексея Каловского на Юрмаше реке // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 1371. Л. 2–7.

[24] Челобитная Ивашки Кирилова сына Нармацкого о даче ему для сыска в бегах его крестьян и бобылей // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 784. Л. 2–4.

[25] Книга переписная 1718 по Уфимской провинции. Л. 77.

[26] Фонд Д. С. Волкова по истории Уфы // Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН). Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

[27] Грамота башкирцов Арсламбета Азнагулова с разными башкирцами о завладении уфимскими помещиками Ольхового озера // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 1306. Л. 17.

башкирского восстания[28]. Более стабильными оказались поместные деревни уфимцев, которые по переписи 1646 г. владели от 5 до 10 душ м. п. В 1646 г. 13 уфимских помещиков, представлявших 12 уфимских дворянских родов, владели 89 душ м. п. К 1718 г. 38 помещиков, представлявших фамилии Артемьевых, Барсуковых, Волковых, Гладышевых, Зыковых, Лопатиных, Тогонаевых, Ураковых, Третьяковых, владели 73 душам м. п., что составляло 24 % всех крестьян уезда. Таким образом, мелкие и средние помещики практически не понесли потерь, оставшись на уровне 7 крестьянских душ на 1 помещика. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что картина здесь весьма противоречивая. К примеру, Гладышевы за 71 год увеличили свое душевладение. Так, в 1646 г. 6 помещиков Гладышевых являлись владельцами 6 душ м. п., а в 1718 г. 5 Гладышевых владели уже 38 душами м.п. Увеличение количества крепостных крестьян на фоне общего снижения этого показателя почти у всех уфимцев объясняется тем, что дворянам Гладышевым раньше других уфимцев (в 1639 г.) удалось проникнуть в самый высший разряд провинциального дворянства — в выборный список[29]. Это обеспечило им возможность назначаться на должности воевод в города, где условия для приобретения рабочих рук были более благоприятными. Так, с 1700 по 1716 г. только Д. А. и В. А. Гладышевым «дали на себя запись в крестьянство» 16 вятских жителей, 4 холмогорца, 6 курмышан и 3 алаторца[30]. Как выяснилось из крестьянских сказок крепостных, в 1666 г. трое крестьян «ранее в старинном холопстве не живали, а жили в Симбирском уезде на государевой пашне, а уфимец Степан Гладышев, напоив их допьяна и вязав, привез на Уфу и держал в дворе и бил и мучил и женил на своих дворовых девках»[31].

Глава Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов в 1735 г. застал уфимских дворян в самом плачевном состоянии: «…И из лучших уфимских дворян половина не сыщется которые были бы не лапотники»[32]. 11 февраля 1736 г. вышел комплекс указов, подготовленных по предложениям Кирилова. Эти законодательные меры без преувеличения можно назвать самым эффективным административным решением за всю предшествующую историю управления башкирами. Башкирским общинам было разрешено продавать свои вотчинные земли местным дворянам и офицерам. В результате была создана экономическая база для активной помещичьей и заводской колонизации Башкирии. Уже ко второй ревизии, проводившейся в 1748 г., крепостное крестьянство Уфимской провинции выросло в 7,3 раза по сравнению с 1718 г. Общее число крепостных и дворовых людей достигло 2213 душ. м. п.[33], что составляло 6 % населения Оренбургской губернии. По материалам третьей ревизии, в 1762 г. в Оренбургской губернии их насчитывалось уже 34 932 душ м. п.[34], или 14,8 % населения губернии.

---

[28] Челобитная Тимошки Аничкова о даче ему выписи с отказных и раздельных книг на крестьян // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 623. Л. 14.

[29] Пошлинные книги Печатного приказа // РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 108. Л. 1002.

[30] Книги жилые, крестьянские и на половничество в долг // РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 121164. Л. 67; Д. 12193. Л. 122; Д. 12195. Л. 17; Д. 12197. Л. 19; Д. 12203. Л. 16; Д. 12207, Л. 96; Д. 12209. Л. 119; Д. 12214. Л. 37; Д. 12219. Л. 126, 132, 139; Д. 12221. Л. 26.

[31] Просьба Осипа Артемьева Гладышева об отдаче ему по переписным книгам людей // РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 1260. Л. 6.

[32] Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа, 2002. С. 24.

[33] Ревизские сказки 1748 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3791. Л. 2–114.

[34] Ревизские сказки 1762 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3803. Л. 33–211.

Из каких уездов переселялись крепостные крестьяне в XVIII в.? Указ от 11 февраля 1736 г. закреплял право приобретения башкирских земель только за «тамошними» офицерами и жителями[35]. Однако это не значило, что покупать землю у башкир имели право только уфимские помещики. Практика закрытого города, целенаправленно проводившаяся правительством в Башкирии на протяжении XVII — первой трети XVIII в., фактически была отменена указом 11 февраля 1736 г. В первой половине XVII в. в отношении окраинных городов Юга России проводилась политика так называемых «закрытых», или «заказных», городов. Правительство запрещало столичным служилым людям приобретать вотчины в пограничных уездах, что было обусловлено стремлением оградить слабое хозяйство местных дворян от хозяйственной активности крупной московской знати. В новых условиях приобретать землю могли служащие в Оренбургском крае офицеры и чиновники. Количество войск, размещенных в Оренбургском крае в 1740-х годах увеличилось в 9 раз по сравнению с началом XVIII в. В крепостях Оренбургской пограничной линии несли службу офицеры 4 ландмилицких и 4 гарнизонных конных и пехотных полков. Основной контингент дворян, направляемых в полки Оренбургского корпуса, представляли уроженцы Среднего Поволжья. Из общего числа военнослужащих дворян Оренбургской губернии 37 % были выходцами из Симбирской губернии, 22 % — из Казанской, 10 % — из Рязанской и 9 % — из Пензенской губернии[36].

Именно из них в конце XVIII — начале XIX в. сформировался слой крупнейших владельцев крепостных крестьян Оренбургской губернии — Тимашевых, Тевкелевых, Тоузаковых, Кротковых, Мансуровых, Осоргиных, Державиных, Булгаковых, Шишковых, Ждановых. К началу проведения Генерального межевания за помещиками Оренбургской губернии числилось 2 539 865 дес. земли. В губернии насчитывалось 578 поместных дач[37]. В 1730–1790-х годах в губернии появилось 48 заводов. Они занимали площадь 3 902 928 дес. За всеми помещиками и заводовладельцами Оренбургской губернии было записано 6,4 млн десятин земли. Согласно материалам Генерального межевания 76 % дворянского землевладения было куплено помещиками у башкир. Таким образом, дворянская колонизация Башкирии в XVIII в. осуществлялась не за счет изъятий, а по обоюдным договорам. Вместе с тем незначительная часть имений образовалась за счет пожалований земель в Башкирии наиболее выдающимся чиновникам и офицерам. В XIX в. «отводы» производились из казенных дач.

В начале XIX в. в ходе проведения Генерального межевания Оренбургской губернии администрация начинает изымать из владения башкир степные и лесные охотничьи и бортные угодья, находящиеся во владении нескольких башкирских волостей. Правительство рассматривает такие земли как никому не принадлежащие, «пустопорожие» или «празднолежащие». Именно поэтому в правительственной документации в эти годы и появляется термин «казенная земля».

---

[35] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собрание I. Т. IX, № 6890. С. 741–745.

[36] Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 1. Д. 177, 186, 402, 382, 403, 471, 1028, 2497, 2507, 4539, 5691, 5697, 4080, 2503, 5180, 5715, 6233, 6096.

[37] Экономические примечания к Генеральному межеванию // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 929, 932, 938, 940, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1884, 1886.

На территории Бузулукского уезда были пожалованы:

в 1821 г.

— статскому советнику Мясоедову 1 тыс. дес., отрезанных в казенное ведомство от сельца Дмитриевского;
— генерал-майору Бергу 4 тыс. дес.;
— генерал-лейтенанту Ольдекону 4 тыс. дес., отрезанных от дачи с. Дмитриевского в казенное ведомство;
— полковнику Ефимовичу в 1823 г. 3 тыс. дес.;
— генерал-майору Перскому в 1825 г. 4 тыс. дес., отрезанных от дачи дер. Черновка;

в 1826 г.

— генерал-майору А. Н. Энгельгардту 3511 дес., отрезанных из дач с. Обуховка в 1826 г.);
— генерал-лейтенанту К. Ф. Альденову 4128 дес., отрезанных от дачи с. Дмитриевского;

в 1832 г.

— генерал-майору Милорадовичу 2 тыс. дес., отрезанных от из дачи слободы Никольской;

в 1833 г.

— полковнику барону фон Тарнау 2 тыс. дес., отрезанных из дач дер. Печенино;
— полковнику Бутовичу 3 тыс. дес.;
— полковнику князю Волконскому 2 тыс. дес., отрезанных от с. Утево;

в 1835 г.

— генерал-майору Литвинову 3 тыс. дес.;
— статскому советнику Безобразову 3 тыс. дес.;

в 1836 г.

— статскому советнику Лаврентьеву 2 тыс. дес. из дачи, отрезанной в казну от дер. Погромной, и др.

В Бугурусланском уезде были пожалованы:

в 1821 г.

— генерал-майору князю Уракову 2 тыс. дес.;

в 1825 г.

— помещику Матгонину 615 дес. от дачи с. Покровского;
— тайному советнику Салтыкову 3 тыс. дес.;

в 1826 г.

— генерал-майору Лошкареву 3 тыс. дес., отрезанных от из дачи с. Покровского;

в 1833 г.

— полковнику Резенкампфу 2 тыс. дес., отрезанных от из дачи Кутлумбетовской, и др.

Тем не менее пожалованные земли составили всего лишь 2,7 % общего числа приобретенных помещиками земель в Оренбургской губернии[38].

В первой четверти XIX в. в Оренбургской губернии значительно увеличилась численность и беспоместных дворян (за счет мелких служилых людей, офицеров казачьих войск, личных дворян и т. д.), не имевших своих собственных имений, но владевших крепостными людьми. В конце 1840-х годов таких дворян насчитывалось здесь 841 человек, которым принадлежало 2 968 крестьян м. п.[39] В течение первой четверти XIX в. численность помещиков Южного Урала неуклонно возрастала, естественно, увеличивалось количество помещичьих имений и селений крепостных крестьян. Если в 1800 г. в крае насчитывалось 527 помещиков, то к концу 40-х годов XIX в. — уже 2 074 человек, т. е. с начала века численность владельцев увеличилась в 3,8 раза[40]. О размерах перевода крепостных говорят следующие данные: в 1795–1816 гг. в Оренбургской губернии возникли 213 новых помещичьих деревень[41]. Решающее значение в возрастании крепостного населения края принадлежало переводу крестьян помещиками из других губерний. Так, в 1800 г. в Бирском уезде крепостных крестьян было всего 341 ревизских душ, а через 17 лет, к 1817–1818 гг. их численность достигла 1290 ревизских душ. Увеличение (в 3,7 раза) крепостного населения за такой короткий срок произошло исключительно в результате перевода владельцами своих крестьян из других губерний России на во вновь образованные в уезде имения. В Стерлитамакском уезде за это время крепостное население (в ревизских душах) возросло с 546 до 4829 (в 8,8 раза), в Троицком — с 194 до 676 (в 3,4 раза), в Мензелинском — с 2475 до 6332 (в 2,5 раза), в Уфимском — с 4713 до 8691 (1,8 раза), в Оренбургском — с 2688 до 4517 (в 1,6 раза)[42]. Представленная ниже таблица демонстрирует резкое увеличение крепостного населения в центральных и юго-западных уездах Оренбургской губернии.

В результате перевода владельцами своих крепостных из других регионов страны численность помещичьих крестьян к VI ревизии (1811–1812 гг.) увеличилась на 75,61 %. Среднегодовой прирост составлял 2127 ревизских душ. С VI ревизии (1800 г.) до VII ревизии (1817–1818 гг.) население в помещичьих селениях увеличилось в 1,78 раза. В силу значительного увеличения указанных категорий населения (особенно в Мензелинском, Стерлитамаком, Бирском уездах) меняется и удельный вес помещичьих крестьян в уездах края. Темпы прироста помещичьих крестьян

---

[38] По указу Оренбургского губернского управления от 28 сентября 1858 г. № 1211 относительно открытия Самарской губернии и передачи в оную по принадлежности по Бузулукскому, Бугурусланскому и Бугульминскому уездам для планов с книгами и полевых производств // Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И.-352. Оп. 1. Д. 571. Л. 14–57; Ведомости о покупке земель лицами разных сословий по губерниям // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 379. Оп. 1. Д. 320. Л. 83; Экономические примечания на 288 дач Бузулукского уезда // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 21.

[39] Журнал министерства государственных имуществ (далее — ЖМГИ). 1848. № 1. (Ч. XXVI). С. 21.

[40] Подсчитано по: Ревизия сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина // РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 177; ЖМГИ. 1848. № 1 (Ч. XXVI). С. 21.

[41] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1997. С. 340.

[42] Топографическое описание оренбургского губернского землемера Тимофея Афанасьева // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 14. Л. 25–28; Окладная книга о числе душ по 7-ой ревизии по всему государству. 1818 год // РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 20. Л. 76–78.

Численность помещичьих крестьян мужского пола Оренбургской губернии в 1800–1833 гг.

Уезды	1800 г.	1817–1818 гг.	1833 г.
Белебеевский	—	2672	3048
Бирский	341	1290	1576
Бугульминский	6524	5230	5784
Бугурусланский	—	12940	12876
Бузулукский	12382	9514	9619
Верхнеуральский	2143	2274	2313
Мензелинский	2475	6332	6973
Оренбургский	2688	4517	4541
Стерлитамакский	546	4829	5823
Троицкий	194	676	683
Уфимский	4713	8691	12991
Челябинский	456	651	681
Уральск	—	486	549
ВСЕГО	33764	60102	67457

И с т о ч н и к: *Шайхисламов Р. Б.* Крестьянство Южного Урала в первой половине XIX века. Уфа, 2006. С. 88.

в изучаемое время составляли: с V по VI ревизии — 75,61 %, с VI по VII ревизии — 12,26 %, с VII по VIII ревизии — 24,42 %. Особенно большой прирост (75,61 %) произошел между V и VI ревизиями (с 1800 по 1812 гг.). По темпам прироста помещичьи крестьяне и дворовые с V по VI ревизии значительно опережали прирост всех категорий крестьянства края, с VI по VII ревизии они уступали лишь заводским крестьянам.

Итак, в истории помещичьей колонизации Башкирии принципиальное значение имел указ 11 февраля 1736 г., разрешивший местным офицерам и чиновникам покупать земли у башкирских общин. Это мероприятие было осуществлено одновременно с установлением контроля российских властей над юго-восточной границей, отделяющей башкирские вотчинные земли от казахских кочевий. С этого времени прекращаются внешнеполитические контакты башкирской элиты с правителями Средней Азии, Казахстана и Турции, что означало полную утрату башкирами политической субъектности. Вместе с тем башкирские общины становятся активным субъектом экономических отношений. Российские власти сохранили за башкирами вотчинные права и отказались от широкомасштабных акций по изъятию башкирских земель, передав миссию колонизации Башкирии частным лицам, которым предстояло самостоятельно договариваться с местными общинами. Аналогичные законодательные акты были приняты и в отношении строительства заводов на башкирских землях. Согласно указу от 13 октября 1753 г. было запрещено

строительство казенных заводов в Оренбургской губернии[43]. Однако все желающие получили возможность организовать производство на купленных у башкир землях. Конфискованные в казну башкирские земли составляли в начале XIX в. 1 298 726 дес., т. е. около 4,2 % площади земельных угодий Оренбургской губерний. Подобная земельная политика российских властей была обусловлена катастрофическими последствиями восстания 1735–1740 гг., в ходе которого власти осознали, что военное принуждение приводит только к эскалации вооруженного конфликта. В этой ситуации российское правительство в качестве главного средства колонизации использовало вольный договор, взяв на себя роль верховного регулятора купли-продажи земли. Разрешение продажи башкирских земель вынуждало собственников значительно активнее включаться в систему российских правовых отношений, вступать в контакты с российскими властями и покупателями, что способствовало более эффективной интеграции башкирского общества в административную структуру Российского государства.

References

Ader A. V., Rogozin I. V. Osobennosti natsionalnoy politiki Ekateriny II pri osvoenii zemel Orenburgskogo kraia. *Vestnik of N. I. Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod,* 2017, no. 3, pp. 15–22. (In Russian)

Aznabaev B. A. *Ufimskoe dvoryanstvo v kontse XVI — pervoy treti XVIII v. Zemlevladenie, sostav, sluzhba*. Ufa, Bashkir State University Press, Printing and Publication Department, 1999, 199 p. (In Russian)

Akmanov A. I. *Zemelnaia politika tsarskogo pravitelstva v Bashkirii*. Ufa, Kitap Publ., 2000, 232 p. (In Russian)

Akmanov I. G. *Bashkirskie vosstaniia XVII — nachala XVIII v.* Ufa, Kitap Publ., 1993, 224 p. (In Russian)

Asfandiyarov A. Z. *Bashkiriia posle vhozhdeniia v sostav Rossii (vtoraia polovina XVI — pervaia polovina XIX v)*. Ufa, Kitap Publ., 2006, 504 p. (In Russian)

Bykonya G. F. *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII — nachale XIX vv. (Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvorianstva)*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Press, 1985, 300 p. (In Russian)

Donnelli A. *Zavoevanie Bashkirii Rossiey 1552–1740. Stranitsy istorii imperializma*. Ufa, Vatan Publ., 1995, 285 p. (In Russian)

Eshevskiy S. V. Kolonizatsiia severo-vostochnyh okrain Rossii. *Vestnik Evropy,* 1866, vol. I, pp. 48–57. (In Russian)

Kappeler A. *Rossiia — mnogonatsionalnaia imperiia*. Moscow, Traditsiya; Progress-Traditsiia Publ., 2000, 344 p. (In Russian)

Luibavskii M. K. *Obzor istorii russkoi kolonizatsii s drevneishikh vremen do XX v.* Moscow, Moscow University Press, 1996, 688 p. (In Russian)

Peretiatkovich G. I. *Povolzhe v XVII — nachale XVIII v. Ocherki iz istorii kolonizatsii kraya.* Odessa, Tipografiia P. A. Zelenago, 1882, 403 p. (In Russian)

Portal' R. *Bashkiriia v XVII–XVIII v.* Ufa, UNTs RAN; Institut slavianskikh issledovanii (Paris) Publ., 2000, 221 p. (In Russian)

Rakhmatullin U. H. *Naselenie Bashkirii v XVII–XVIII vv. Voprosy formirovaniia nebashkirskogo naseleniia*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 188 p. (In Russian)

Firsov N. N. Inorodcheskoe naselenie prezhnego kazanskogo tsarstva v novoi Rossii do 1762 goda i kolonizatsiia Zakamskikh zemel. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Vol. VI. Kazan, Tipografia Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1871, pp. 297–401. (In Russian)

Shayhislamov R. B. *Krestianstvo Yuzhnogo Urala v pervoy polovine XIX veka*. Ufa, RIO Bashkir State University Press, 2006, 192 p. (In Russian)

Received: March 4, 2018
Accepted: September 10, 2018

[43] ПСЗ РИ. Собрание I. Т. IX. № 6890. С. 741–745.